

Дмитрий Дубинин

СРОЧНЫЙ ГРУЗ

ИЗ ПРОШЛОГО

Андрей Маскаев

Дмитрий Дубинин

Срочный груз из прошлого

2012

Дубинин Д.

Срочный груз из прошлого / Д. Дубинин — 2012 — (Андрей Маскаев)

Молодой инженер коммерческого отдела речного порта Андрей Маскаев получает задание провести служебное расследование. Он выполняет поручение, но с удивлением узнает, что начальство недовольно положительным результатом расследования. Более того, инженера отстраняют от работы. А когда один из друзей Маскаева, могущих дать интересную информацию, гибнет при загадочных обстоятельствах, то начинает действовать, и довольно неосторожно. В результате Андрея лишают свободы и «сажают» на иглу. Тем не менее, его враги делают оплошность, и герой исчезает из их поля зрения. В трюме баржи, находясь в состоянии «ломки», Маскаев плывет на Север, в надежде разобраться в том, что происходит.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Дубинин

Срочный груз из прошлого

Глава первая

Интересно, какие мысли должны приходить в голову молодому человеку, когда он видит в полуметре от своего носа две стройные женские ножки, выглядывающие из-под короткого белого халата и обтянутые золотистым капроном? Лично я, например, в последнее время отлично понимаю, что вслед за этим зрелищем меня ожидает сперва боль в сгибе локтя, а после этого – черный провал в памяти и ощущение невероятного расслабления, граничащего, наверное, с тем, что индуисты называют нирваной. Я теряю чувства пространства, времени, положения своего собственного тела, и испытываю только одно желание – чтобы это продолжалось как можно дольше.

Такое состояние ощущаю довольно долго, пока вдруг не наступает время обеда или, может быть, ужина – кто их разберет?.. Жру, как изголодавшийся тираннозавр, а когда начинаю потом соображать, что происходит явно не то, вдруг снова появляются женские ноги в капроне. И так изо дня в день. Изо дня в день... Изо дня в день... До того самого вечера, когда вдруг вместо женских ног неожиданно появляется сердитое мужское лицо. Оно мрачно. Губы на этом лице кривятся, выбрасывая в окружающее пространство непонятные звуки. Кажется, я слышу человеческую речь, но почему-то не понимаю ни одного слова. Да и как понять, если сперва я вижу дергающиеся губы, а только потом до моих ушей долетают слова. Впрочем, долетает кое-что еще: хлесткие удары по щекам. Требуется не то пять минут, не то пять часов, прежде чем осознаю, что получил несколько ударов по физиономии. Вроде бы что-то начинаю понимать.

«Вставай, симулянт», – слышу я. Пока пытаюсь сообразить, что такое «симулянт», ощущаю новую серию обжигающих пощечин. Теперь слово «симулянт» пробуждает во мне ряд ассоциаций, и я вспоминаю, что сердитое лицо принадлежит врачу по фамилии Ландберг, а я нахожусь в известном заведении, которое неофициально именуется «Сорбонной». Пока я перевариваю все это, доктор Ландберг говорит:

«Быстро подымайся. Я ввел тебе амфетамин. У тебя четыре часа времени, чтобы спрятаться. Одежду найдешь в ларе возле котельной. Там тебя ждет Вова, назовешь свое имя, и он скажет тебе, что делать».

Пока Ландберг произносит свою тираду, из которой до меня доходит лишь одно слово из трех, я кое-как сползаю с койки и нащупываю на полу шлепанцы. Каждый из них кажется мне громадным, как троллейбус, и тем не менее только с четвертой попытки мне удается запихать ноги в тапки; при этом пол в палате, возмущенный тем, что его так топчут, вдруг загибается вверх и изо всех сил ударяет меня по лбу. Из глаз вылетает сноп искр, и я еще яснее начинаю осознавать свое положение, которое мне все больше кажется, мягко говоря, нехорошим.

Ландберг берет меня за шиворот, ставит параллельно вектору силы тяжести и рычит сквозь зубы:

«Тебя месяц держали на наркотиках. К утру тебя начнет крутить, поэтому за ночь ты должен найти такое место, где тебя никто не найдет и где ты сможешь долго отсиживаться. Торопись...»

Ужас ледяной рукой хватая меня за горло. Я уже достаточно в себе, чтобы понимать, что это такое – попасть в «Сорбонну»... Стараясь держаться ровно, я, двигаясь в кильватер Ландбергу, выхожу из палаты в коридор. Пол под ногами качается, стенки коридора извиваются самым фантастическим образом, словно я иду внутри удавьего пищевода.

Ландберг что-то говорит, я делаю попытку ответить, но это удается с трудом. После каждого произнесенного мною звука череп пронизывает дикая боль, будто какой-то садист вбивает мне в темя пятидюймовый гвоздь.

Врач выводит меня в тихий полумрак улицы, показывает, куда нужно двигаться дальше, после чего неожиданно исчезает. Я натыкаюсь на здоровенный дощатый сундук неподалеку от подвальной двери, открываю его и выволакиваю оттуда какое-то мятое тряпье. С удивлением узнаю свой костюм-тройку, правда, без жилета и галстука. Тут из полумрака выходит санитар Вова из нашего отделения.

«Ты кто?» – спрашивает он меня.

Я открываю рот, чтобы ответить, но вдруг с ужасом понимаю, что з а б ы л с в о е и м я .

* * *

– Андрюша, – пропела Лида, – открой форточку. Душно.

Я, оторвавшись от калькулятора, вытащил из-за сейфа длинную трость и, зацепив ею крючок фрамуги, отворил окно. Сразу стало шумно. В кабинет ворвался лязг порталых крапов, стук колес и чьи-то вопли.

– Спа-асибо, – сладко проворковала Лида.

Стараясь не глядеть на нее, я уселся за стол и уставился в окошко калькулятора, где машинка высветила совершенно несуразное число. Наверняка сбой. Я нажал сброс и снова принялся за расчеты, зная, что Лидочка сейчас поглядывает в мою сторону и приторно улыбается. Улыбайся, улыбайся. Теперь, когда угроза сокращения благополучно миновала, можешь улыбаться. Я-то помню, как ты шипела, когда стоял вопрос – тебе или мне оставаться здесь. А теперь все «Андрюша», да «Андрюша», и улыбнешься лишний раз, и ручкой сделаешь, и попкой вильнешь при случае... Можешь не стараться. Не таких видали...

Рывкнул динамик громкой связи, и я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Мою фамилию динамик никогда раньше не выкрикивал, обычно начальник обращался к моему патрону: «Василий Фомич, поднимитесь, пожалуйста...» Но Василий Фомич Сошников, начальник коммерческого отдела, уже минут пятнадцать сидел там, на втором этаже, на диспетчерском совещании.

– Слушаю вас, – я нажал и отпустил кнопку селектора.

– Поднимитесь ко мне. – В баритоне Папы мне почудилась легкая озабоченность.

Выключив калькулятор, я поймал себя на мысли, что Папе неожиданно понадобилась моя помощь. Видимо, случилось что-то такое, в чем даже мой патрон не в состоянии разобраться... Хотя нет, конечно, вздор. Скорее всего, отдел допустил некий промах, наверное, опять Сошников что-то схимичил, а стрелки решил перевести на меня... Ну конечно, в том месяце стрелочницей была Лидочка, теперь, стало быть, моя очередь.

Подходя к двери, я все-таки не удержался, посмотрел на Лиду. Она, разумеется, улыбалась. Причем сочувственно и вполне доброжелательно. Кажется, даже искренне. Я почувствовал, что мои губы тоже разъезжаются в идиотской улыбке, и поспешно отвернулся. Лидочка хихикнула.

Я потопал по лестнице и, пока поднимался, решил, что беспокоиться особо не о чем. Сошников мне доверял и, думаю, не стал бы крепко подставлять. Тем более, если вспомнить, как он требовал, чтобы у него ни в коем случае не сокращали инженера. Я знал, что патрон имел в виду меня, а никак не Лидочку, и Лидочка это знала... Не такая уж, кстати, дура эта Лидочка. Институт все же закончила, пусть заочно, но закончила. И на причале торчала недолго – года полтора. Сошников кого попало в отдел к себе не берет, это всем известно... А с Лидочкой неплохо было бы побеседовать в неофициальной обстановке, не в кабинете,

конечно, а где-нибудь еще... Кто ее разберет, глазки вроде строит, авансы кидает, думаю, не обломится... Однако, вот и кабинет с надписью «Приемная».

Я миновал секретаршу, открыл дверь в кабинет начальника порта и вошел. Поздоровался и быстро оценил обстановку.

На своем месте восседал сам Папа, на стульях вдоль приставного стола расположились мой патрон, начальник района Молодцов, и начальник ночной смены Павлюченко в своей знаменитой кожанке, которую в прошлом году защемило грейфером. Как раз тогда Павлюченко и перевели временно в мастера, а меня поставили сменным, после чего я и попал на глаза Сошникову... Василий Фомич сидел сейчас с таким видом, будто проглотил живую крысу. С патрона, похоже, снимали стружку, а с меня, наверное, сейчас будут драть три шкуры...

– Садитесь. – Папа показал пальцем на стул. Я сел рядом со сменным, напротив Молодцова и Сошникова.

– Я вас вот зачем вызвал, Андрей... А-аа... Николаевич. – (Если Папа вспомнил имя-отчество, значит все обстоит не так уж плохо). – Вам тоже никто не сказал, что сегодня ночью мастер Знобишин составил эту бумагу?

Папа показал коммерческий акт общей формы.

– Нет, Аркадий Палыч, – ответил я, соображая, чем же это дело может пахнуть.

– Ладно... И все же, Сошников. – Папа строго взглянул на моего патрона. – Почему вы уговаривали Знобишина забыть об этом акте?

Патрон поднялся и начал обреченно говорить:

– Утром возле кабинета меня встретил этот самый Знобишин и рассказал совершенно непонятную историю. Будто бы ночью после обеда во время погрузки контейнеров он обнаружил сорванную пломбу. Поднял шум, позвал капитана...

– Капитана? Грузили в судно?

– Нет. Из судна в вагоны...

– А почему капитана? Он что – сам сдавал и принимал груз? А представители МПС где были?... Павлюченко?

Павлюченко встал.

– Н-на причале, там же, – неуверенно произнес он.

– Точно?

– За выгрузкой наблюдал Знобишин, – ответил сменный. – Говорит, что все были на месте.

– Судно какое было?

– «Беломорский-60».

– Ага. Там капитан Климов... А почему, собственно, на акте нет его подписи, Павлюченко? И вашей?

– Ну, Василий Фомич сказал, что...

– При чем здесь Василий Фомич?! – Тон Папы был зловец. – Я вас спрашиваю, Павлюченко.

– Знобишин же сам подписался. И обеих приемосдатчиц подписать заставил. Они что – девчонки...

– Девчонки, – повторил Папа. – Знобишин, насколько я знаю, тоже студент-практикант. Как же это получается, товарищи, что студенты лучше вас знают, где есть коммерческий брак, а где нет?

– Знобишин позвал капитана, – произнес Сошников, – и ткнул пальцем в пломбу. Капитан заявил, что ничего страшного, и к тому же, Аркадий Палыч, то же сказала и Серикова, эта смежница с железной дороги. Ну, и перегрузили, а Знобишин расшумелся, позвал приемосдатчиц, и они тут же составили акт...

– Действительно, странная история... – Папа казался озадаченным. – Василий Фомич, мне уже доложили, что фактура составлена на нестандартном бланке. Кто отправитель?

– Сургутский ОРС, – неохотно ответил Сошников.

– Чушь какая... Неужто у них бланков нет... А что по накладной?

– Тара возвратная, – еще более неохотно ответил Сошников.

– Получатель?

– Кисловодск, завод безалкогольных напитков.

– Аркадий Палыч, – подал голос Молодцов. – Это, конечно, не столько наше дело, сколько смежников из МПС, но я хочу сказать, что подобные странности происходят уже не в первый раз.

– А что? – насторожился Папа.

– Уже три или четыре раза, – продолжал начальник грузового района, – из Сургутского ОРСа отправляют тару в Кисловодск по фактурам на каких попало бланках. Потом, мои приемосдатчики не раз замечали исправления в дорожных ведомостях. И, что самое интересное, все контейнеры с возвратной тарой оттуда шли именно в шестидесятой «Беломорке».

– Вот как? Сошников! Почему я об этом слышу не от вас?

Сошников засунул пальцы за воротник и не очень ласково взглянул в сторону Молодцова.

– Мне об этом *его* приемосдатчики не докладывали, – подавив вздох, сказал мой патрон.

– Сочувствую, Сошников... Ладно. Сургут, значит, вот оно что... Жаль, что там сейчас все начальство сменилось, никого пока еще не знаю... Так... – Папа собрал на лбу пять прямых морщин; это означало, что начальник принимает решение. – Вот что, товарищи. Придется сделать так. Дело мне это нисколько не нравится, с коммерческим браком шутки плохи, кто бы там чего ни говорил. В общем, надо провести служебное расследование. Отправить человека в Сургут, пусть проследит, как там у них в порту происходит погрузка и отправление груза. Если что, пусть под любым предлогом вскроет контейнер... Отчет – лично мне. Если все будет нормально, акт можно будет уничтожить... Василий Фомич, возьмите его себе... Кого отправим? Я думаю, возражений не будет, если поедет Маскаев? Человек он молодой, наблюдательный и работу знает прекрасно... Согласны, товарищи?

Товарищи были согласны. Я тоже, в общем, не имел ничего против, но был слегка удивлен, потому что инженер Маскаев – это я.

Я сбросил тапки и повалился на диван. Придвинув табурет со стоящей на нем пепельницей, закурил. Вообще-то, Танька не разрешала мне дымить в комнате, но до ее прихода времени было еще порядочно, и я особенно не беспокоился.

Вытащив из кармана билет на самолет, я покрутил его так и сяк – вечно мне кажется, что в кассе что-нибудь да напутали – и начал прикидывать, сколько времени придется проторчать в Сургуте.

По-видимому, послезавтра вечером я уже буду на месте, а «Беломорка» придет в порт... Так, до Сургута километров тысячи две с гаком... Кажется, две двести. За сутки «Беломорка» проходит километров четырехста, значит, всего ей шлепать... Суток пять... Пусть даже чуть больше, учитывая всякие непредвиденные задержки. В общем, тридцать первого мая, к вечеру, думаю, все и выяснится...

Я посмотрел в сторону работающей аппаратуры. Через пару дней припрутся заказчики, а у меня еще восемь бобин не записанных... Сказать Таньке, чтоб следила повнимательнее. Бабки пусть возьмет и не тратит... Хотя все равно ведь купит что-нибудь, не удержится. Знаю я ее... И чтоб ничего там не перепутала. Оригиналы вернуть дяде Геворгу, «Летний сад» – Генке из вокзального киоска, Аллегрову – Володе, Мадонну – Ларисе Ивановне... Не перепутать, только не перепутать... Танька, вообще-то, не должна перепутать, это только я никакой разницы в этих псевдомзыкальных «творениях» не нахожу...

Докурив сигарету, я отправился в кухню и, пока обедал, подумал, что перед выездом обязательно нужно повидаться с этим мастером-студентом, как его... Знобишиным. Надо узнать, как все происходило на самом деле...

Я решил, что Знобишин живет в нашей портовской общаге, и не ошибся. Войдя в подъезд мрачного кирпичного сооружения, я поздоровался с вахтершей, которая, как всегда, мне не ответила, и начал спрашивать про Знобишина. Тетка поначалу проговорила было, что живет такой в семьдесят шестой комнате, а потом сразу же начала уверять, что этот Знобишин-де сейчас на работе. Я посоветовал ей придумать что-нибудь другое, так как отлично знаю, что он сегодня работал в ночь, и тетка тут же заявила, что нужный мне человек вышел, а куда – неизвестно.

Поняв, что эта старая карга меня наверх не пропустит, я сел ждать на один из стоявших в вестибюле стульев.

Вскоре мимо меня к выходу пробежал какой-то паренек.

– Эй, земляк! – позвал я.

Тот остановился и вопросительно взглянул на меня.

– Слушай, – сказал я, – мне бы увидеть студента Знобишина. Не поможешь?

– Знобишин – это я, – был ответ.

Демонстративно не глядя в сторону вахты, я продолжил:

– Прекрасно. Меня зовут Андрей. – И протянул руку.

– Женя.

Мы обменялись рукопожатием.

– Ты не торопишься? – спросил я.

Он глянул на часы.

– В общем, нет. А что?

– Да поговорить бы кое о чем... Но только не здесь. Здесь есть посторонние, – сказал я достаточно громко.

– Добро. Зайдем ко мне. Сосед умотал куда-то.

– Хорошо.

Мы направились к лестнице, и тут вахтерша завопила:

– Документ, документ оставьте!

Я положил на стойку пропуск.

– Только чтоб не до ночи, – зло шипела тетка. – Опять, наверное, водку жрать, да? Телевизор кто ночью с вахты уволок? Дружки твои, да?

– Ага, дружки, – желчно ответил Знобишин. – Не надо спать на дежурстве.

Оставив бабку пыхтеть и клокотать, мы поднялись в комнату.

Комната номер семьдесят шесть была мне знакома. Когда-то я пару раз переночевал здесь после того, как списался с толкача. С тех пор комната эта, предназначенная, как и раньше, для всяких временно проживающих, практически не изменилась, только стала еще более грязной и ободранной.

– Чай будешь? – спросил Женя.

Я не большой любитель чайных церемоний, поэтому заверил, что не испытываю никакого желания и, угостив студента сигаретой, закурил и сам. А потом завел разговор, начав сразу с дела:

– Я работаю у Сошникова. Мне поручили разобраться с этим дурацким контейнером и с этим актом. Так что, Женя, расскажи-ка мне, как было дело.

Женя затянулся сигаретой и произнес:

– Ночью, в обед, пришла «Беломорка». Я поставил ее к причалу, после двух пришли Клавка с Ленкой, двое мужиков Генченковских, и начали перегружать. Кэп там уже на мостик вылез.

– Это точно капитан был?

– Точно.

Странно, подумал я. Обычно кэпы, особенно по ночам, грузом не занимаются. Может, штурманок неопытный у него? Или еще что-нибудь?..

– Тут подняли контейнер, – продолжал Женя, – поставили его на стенку, и Клавка как завопит: «Пломба сорвана» Я, значит, туда. Смотрю, пломба не то чтобы сорвана, а просто проволочка дрянь была, оборвалась, и все дела. Я и говорю кэпу и смежнице: контейнер вскрывать придется, по фактуре проверку делать. А они посмотрели и потом в один голос: ничего не нужно, грузите как есть. Вообще-то видно было, что проволочка случайно сломалась, внутрь никто не лазил, бирка на месте. Я прикидываю: а вдруг что будет? Ясно, что при случае влетит-то кэпу, а вдруг и мне достанется?.. Ну, Андрей, я же еще ничего пока тут не знаю... Короче, пока они меня убеждали, Клавка уже акт накорябала. И подписала вместе с Ленкой. И им тоже сует – давайте подписывайте тоже. Они – ни в какую. Кэпу-то вроде пофиг, а эта стерва, как ее... Серикова, вообще разъярилась, девок облаяла. Ну, они тоже не промах, выдали ей такое, что у той уши в трубочку свернулись. Я тогда сам подписался, крикнул крановому – грузи, пес с ним, и все. Погрузили. К утру состав ушел, посудина отчалила. Я девчонкам говорю – зря связались, а они тут уже собрались Молодцову идти докладывать. Ну, думаю, беда. Я акт забрал, пообещал, что поговорю с Сошниковым, а им посоветовал держать язык за зубами, если не хотят неприятностей.

– А чего сменного не позвал?

– Ивана-то? Павлюченко? Да его после обеда и до шести утра нигде не найдешь!

Мне подумалось, что я нашел бы Ивана. Или в котельной, где в секу играют, или на складе, где трахаются. Но Знобишину этого пока знать не требуется.

– И что тебе сказал Сошников?

– Сошников?.. – У Жени на лице что-то промелькнуло. – Сошников, кажется, даже испугался.

– Испугался?

– Ну... Может быть. Он сразу же пальцы за воротник засунул.

Тю-тю... Симптом знакомый. Похоже, этот акт патрону, как гвоздь в заднице.

– И что потом?

– Он сразу же в акт вцепился, давай допрашивать, как там все было, а тут начальник проходил мимо...

– Какой начальник?

– Начальник порта. Господин Попов.

– А-а, Папа... И что дальше?

– Ну, влез в разговор... Забрал акт, мне велел топать...

– Так... – Я погасил сигарету в банке из-под консервов и сказал: – Ну что, спасибо, Жень... Да, ты говорил, проволока там дрянная была. Что – латунная или алюминиевая?

– Стальная. Видно, в это место все время вода стекала, дожди же шли... У контейнера крыша была прогнута, как раз посередине – сток получился. Ну и проволочка здорово проржавела.

– Андрей... Андрей... Спишь?

– М-м-м? – пробормотал я. Кажется, я и вправду начал дремать.

– Слушай, Андрюшка, – продолжала Таня. – Не нравится мне все это.

– Что не нравится?

– Ну, эта... Командировка твоя.

– О Господи... Что, опять предчувствия?

– Не ехидничай. Да, я чувствую, что тебя опять хотят подставить.

– Что значит «опять»?

– А в прошлом году как? С арбузами с этими?

– Ну и что? Дали выговор, и всего делов... Помнишь, часики подарил?.. Так вот, не было бы тех арбузов, – не было бы и часиков... Не могу же я жить на одну зарплату, мне еще шестнадцать лет четверть ее выплачивать... Давай спать, тебе вставать рано.

– А здесь ты ни за что погореть можешь, Андрик... Слышишь?

– Танюш, прошу тебя. Прекрати. Ты это говорила и когда я с кооператорами связался, и когда дачу этому орлу строил. И ничего ведь. Главное – осторожность. Зато телевизор купили... Спи. Это всего лишь служебная командировка.

– Ох, Андрюшка, что-то мне и правда не по себе...

Вот, опять. Пришлось повернуться на сто восемьдесят, обнять ее, погладить, как кошку, поцеловать... И еще раз. И хватит, уже второй час, наверное.

Я снова начал дремать, но вдруг почувствовал, как Танька выползает из-под одеяла и шлепает на кухню... Свет зажгла. Спичкой чиркнула. Так и есть – курит! Значит, и вправду чего-то боится, а не демонстрации устраивает.

Я нащупал тапки и тоже вышел из комнаты. Таня сидела возле кухонного стола, тянула мою сигарету и жмурилась. Сидела в одной только майке – она терпеть не могла спать в чем-либо другом, даже если в квартире было довольно прохладно, как сейчас. Я взял ее за руку, вытащил из пальцев сигарету, затянулся пару раз сам и погасил окурочок в пепельнице.

– Таня, – сказал я. – Я тебя очень люблю и хочу, чтобы ты завтра не опоздала на работу. Пошли.

Она молча встала и направилась в комнату. Мне захотелось легонько поддать ей по голой попке, но сейчас был не тот случай. Я погасил свет, а Таня так же молча улеглась и отвернулась к стене, уткнувшись носом в подушку. Не то обиделась, не то и вправду переживает. Никогда я, наверное, этих баб не пойму – что у них там в мозгах творится?

Я улегся рядом и про себя выругался – Танька перебила сон напрочь. Неужели она действительно что-то чувствует? Но какой может быть подвох в обычной служебной командировке? Это всего лишь простое ведомственное расследование, не более того... Но если Таньку что-то так беспокоит – значит, мне нужно поменьше проявлять инициативу. Все-таки, черт возьми, иногда ее тревоги бывают небеспочвенными.

Глава вторая

Широкая спина санитар Вовы маячит шагах в трех– четырех впереди. Он изредка оглядывается и то и дело шипит: «Быстрее». Я иду за ним, краем сознания отмечая и мерзкую изморось, падающую с черного неба, и яркие лучи автомобильных фар на дороге. Теперь я хорошо все воспринимаю и почти уже все помню... Но когда мы миновали контрольно-пропускной пункт, где сидящий за окошком тип в фуражке даже не покосился в нашу сторону, мне опять все стало непонятно. Раз меня кто-то сюда сдал, значит, мне тут и надо сидеть. А если бы меня вдруг решили отпустить на свободу, то я, наверное, вышел бы отсюда при дневном свете, как добропорядочный гражданин...

Вова вдруг остановился на безлюдном перекрестке.

«Адрес помнишь? – спрашивает он. И уточняет: – Адрес твоей подруги, или кто она там...» Я киваю. Вова удовлетворенно фыркает и произносит: «Немедленно дуй туда и сиди там тихо. Лады?» И, не получив ответа, бесследно исчезает за пеленой измороси, совсем как недавно доктор Ландберг.

Желтые глаза светофора периодически вспыхивают, освещая пустое пространство по обе стороны дороги. Мокрый асфальт отражает и эти желтые вспышки, и свет редких уличных фонарей. На улице – ни души.

Я трясую головой, убеждаюсь, что более или менее в норме, если не считать того, что мой костюм промок почти насквозь, а в ботинках хлюпает. Странно, я совсем не помню, когда успел переобуться...

Ловлю себя на том, что почему-то иду в сторону дома, где живет моя бывшая жена. С ней, однако, то есть, с гражданкой Лоскутовой В. И., я давно разведен и, надо полагать, она меня не ждет. И вообще, у меня сейчас новая семья, если можно так сказать...

Несколько минут стою под светофором, соображая, в какую сторону нужно идти, и делаю несколько шагов по направлению к тому дому, в котором находится квартира, где я временно проживаю у гражданки Томилиной Т. А. Слава Богу, это рядом...

Поворачиваю за угол дома, оглядываюсь назад и замечаю быстро исчезнувшую неуклюжую фигуру. Чувствую противный, скользкий страх и быстро забегая в знакомый подъезд. Только здесь до меня доходит, что это был Вова.

Медленно перевожу дыхание. Мокрые волосы слиплись, капли воды стекают с них на лицо и за шиворот. Чувствую, что меня начинает бить озноб. Скорее наверх, разбудить Таньку, может быть, она не слишком перепугается. Горячим чаем, во всяком случае, напоит...

Я делаю несколько шагов к лестнице, но вдруг останавливаюсь. Я вспоминаю, что меня долгое время накачивали наркотой и, как предупреждал Ландберг, скоро может начаться ломка. Быстро убираю ногу со ступенек. Что угодно, только не это! Пусть Танька увидит меня с разбитой мордой, пьяного в дрезину, с вокзальной шляхой в ее постели, но только не то, каким я буду через несколько часов! Я слишком хорошо помню, как еще на первом курсе с моей тогдашней подругой Риткой мы делали «лесенку» ее брательнику, умудрившемуся сесть на иглу, и как он был каждый вечер, и как ему приходилось связывать руки и ноги, и как он грыз ножку стула... Выбегаю из подъезда и, оглянувшись – не стоит ли где поблизости Вова? – стараюсь побыстрее скрыться в темноте двора.

* * *

Самолет вышел из полосы облаков, в иллюминаторы ворвался ослепительный солнечный свет, и я, устроившись поудобнее в кресле, приотпустил затемняющую шторку и посмотрел

влево, на своих соседей. Рядом маялся какой-то старый боров, видимо, он ужасно перенес взлет, надо полагать, при посадке ему станет совсем худо. У прохода, небрежно забросив ногу на ногу в бежевых брючках, уткнулась в книгу симпатичная девчонка. Студентка, наверное. Отличница. Черт, неужто нельзя сделать так, чтобы они поменялись местами?..

Я страшно люблю летать на самолетах, жаль только, что не часто приходится. Хорошо, если в процессе полета рядом окажется хороший собеседник, а еще лучше собеседница. Кстати, с Танькой я познакомился именно в самолете...

Ладно. Все-таки не на курорт лечу. Я открыл папку и начал просматривать документы. Передо мной лежали три копии – накладной, дорожной ведомости и этого чертова акта общей формы. Ну, акт меня пока мало интересует, «дорожка» – тоже, а вот с накладной можно ознакомиться и посерьезнее.

Так, форма междуведомственная, погрузка, скорость перевозки, прочая шушера-мушера. Упаковка – контейнер № 599 074 126, наименование груза – тара возвратная... Тарифные отметки, отметки водного транспорта... Стоп. Почему не указано, что составлен акт? Непонятно, однако. Ладно, это меня не касается, не мое дело. Пусть у патрона голова болит.

Краем глаза я увидел, что старый боров наклонился к уху девчонки и стал что-то ей нашептывать. Ага, местами меняются. Бедолаге, наверное, совсем плохо.

Усаживаясь в кресло «Б», девчонка взглянула в мою сторону, и, по всей видимости, моя улыбка, которую я постарался изобразить, произвела на нее какое-то впечатление. Она сразу – в книжку. Ах, какая интересная книжка! Особенно верхняя строка левой страницы. Даже уши малиновые стали. И щеки. Интересно, живет она в Сургуте или в гости к кому собралась?

Раздумывая так и уже начав строить планы, я вдруг вспомнил про Таньку. Хорошо бы знать, чем она вздумает заняться, пока меня нет? Разумеется, она отлично знает, что, кроме нее, у меня никого нет, а тот случай в поезде, конечно, не в счет, и та поездка в Красноярск, – тоже, и она об этом тоже знает. И догадывается о том, что я все знаю про нее. У нее тоже, кроме меня, никого нет, если не считать какого-то там троюродного, по ее словам, брата. Но я, правда, отлично знаю, что никакой это не троюродный брат, а третий штурман с «Плотовода» – зимой я с ним водку пил... В конце концов, я тебе не муж, ты мне не жена, но я от тебя уходить не хочу, да и ты меня не захочешь отпустить, так что пусть пока так все и остается. Связываться нам официально – пустой номер. Об этом красноречиво свидетельствуют штампы в моем паспорте, и такие же точно штампы в твоём. Правда, с меня еще и высчитывают, а ты оказалась осторожнее...

– Девушка, – обратился я к соседке, – у вас случайно не найдется еще какой-нибудь книжки? А то я с собой что-то не догадался прихватить.

Ее ушки стали совсем огненными. Бумажку поднесешь – вспыхнет. Я немного сменил тактику:

– Первый раз в жизни повезло: самолет вовремя вылетел.

Девчонка молчала, по-прежнему читая ту же строчку.

– Это, наверное, потому, что пилоты заметили вас, – начал я напрямую, – и решили: будь что будет, а доставим девушку вовремя...

Девчонка повернулась в мою сторону. Взгляд ее говорил: «Не знаю, кто там кого доставляет, но меня эти постоянные заигрывания в транспорте достают здорово». Сама вслух все же сказала:

– Да?.. А я-то думала, это потому, что погода хорошая...

Банальщина, но что поделаешь? Я тоже похвалил погоду и меньше чем через десять минут уже знал, что девчонку зовут Наташа, что живет она вообще-то в Сургуте, а в том городе, откуда мы летим, она жила у своей старой тетки, пока были занятия в институте. Домой она долго не могла дозвониться, наверное, родители на даче или еще где, так что теперь она летит в Сургут на свой страх и риск. Я, конечно, посочувствовал и предложил свою помощь. Она не

стала говорить ни «да», ни «нет», я сменил тему разговора, и так мило мы протрепались почти весь полет, пока не вспыхнуло табло с известной надписью.

Толстый боров сразу же стал наливаясь зеленой краской, и я поинтересовался у Наташи, как она относится к посадке.

– Ой, замечательно! – воскликнула она. – Знаешь, как здорово!

– Абсолютно согласен.

Нас попросили пристегнуть ремни, теперь уже в устной форме, и вскоре самолет начал проваливаться.

– Ух! – выдохнула Наташа.

– Тащишься? – спросил я.

– Ага! Давай тащиться!

– Давай... – согласился я.

В Сургуте я провел три чудесных дня. Пять раз ходил в кино, то есть ровно в пять раз больше, чем за год жизни дома. Встретил двух приятелей, знакомых еще по рабфаку, попил с ними пивка и даже водочки, хорошо зная, что вечернего скандала, учиняемого женской стороной, ждать не нужно. Кайф! Пришлось, правда, проглотить не меньше кубометра едкой желтой пыли, тучи которой постоянно носятся по этому городу, вызывая вполне заслуженные проклятия. А что касается Наташи, то, проведя у нее одну ночь, я решил больше с ней не встречаться. Слишком хорошо мне было известно, чего можно ожидать от таких вот студенток-отличниц, которые любят тащиться...

Порт я пока что обходил за версту. Правда, сразу же по приезде, вернее, по прилете, позвонил из проходной, не представляясь, диспетчеру и выяснил насчет «Беломорки». Посудина прибывала в Сургут тридцать первого мая, часов около шести вечера; так что после пяти в этот день я уже дежурил на территории. Большие и средние начальники к этому времени отправились с работы восвояси, а я, не привлекая лишнего внимания к своей персоне, сидел и покуривал в тени здания районной конторы. Какое-то предчувствие подсказывало мне, чтобы я не лез на рожон с документами.

Тут мне повезло: мимо продефилировала знакомая личность – Гена Бражников по прозвищу Брашпиль, который, подобно мне, когда-то списался на берег. Вон, значит, куда его черт занес...

Мы потолковали за жизнь, за работу, поругали правительство и начальников, после чего я ему кое-что рассказал (конечно, далеко не все) о том, что привело меня в этот порт. Гена всегда был парнем толковым и совершенно нелюбопытным, и эти его черты характера устраивали меня как нельзя лучше.

...Грузовой теплоход «Беломорский-60» финской постройки, очень, кстати, симпатичное и надежное судно, причалил только в половине восьмого, когда с реки начало тянуть свежестью и принялись кусаться летучие звери. В этих местах водится настоящий комар: бывает, схватишь его, в кулак зажмешь, так ноги его внизу болтаются, а клюв сверху торчит.

Началась погрузка. Гена Брашпиль, маленький подвижный и. о. начальника смены, суетился и лез во все щели, чем вызывал усмешку у бывалых докеров. Похожий на гигантского жирафа порталный кран поочередно снимал с площадки контейнеры и ставил их для проверки на причальную стенку, опуская затем в судовые трюмы. Я прохаживался рядом, отмахивался от комаров и ждал. Наконец появился Гена.

Он подмигнул мне и протянул скушенную с контейнера пломбу вместе с проволокой. Я спрятал ее в карман, после чего мы вместе двинулись к причальной стенке.

Кран пронес над нашими головами очередной контейнер и поставил его на край стенки. Тут и зашумел какой-то молодой парень из экипажа капитана Климова – пломбы на этом контейнере номер № 572 431 212 не было – она лежала в моем кармане.

Дальше все происходило как нельзя лучше. Гена тут же вызвал бригадира докеров, подвел ближе двух приемосдатчиц и того парня с «Беломорки», оказавшегося вторым штурманом, и вскрыл контейнер. Истошно завизжали шарниры дверей, и я увидел аккуратно составленные полиэтиленовые ящики из-под бутылок. Все в порядке. Гена составил акт, который тут же на месте подписали все присутствовавшие, кроме, разумеется, меня, затем мой приятель закрыл контейнер и запечатал его своим пломбиром. Контейнер пошел в трюм, погрузка продолжилась своим чередом и дело мое было вроде бы закончено.

Но почему-то мне вся эта история не нравилась – от нее явно тянуло какой-то каверзой.

Когда мы уходили с причала, Гена сказал:

– У меня пломбир с дефектом – вот тебе образец пломбы, такой же, какую я повесил на контейнер. Потом дома сравнишь, если что. Но я не совсем понимаю, кому могут понадобиться пустые ящики из-под бутылок.

Я ответил, что тоже этого не понимаю, а потом стал благодарить и прощаться.

– А ты в общагу или в гостиницу? – спросил Гена. – В общагу?! Тебя там заживо сожрут клопы. Лучше оставайся здесь – сейчас отправим «Беломорку», возьмем портвешка да гуднем чуток – до утра еще много времени...

Черт возьми, за это и стоит любить командировки – за полное отсутствие контроля и возможность оттянуться на всю катушку.

– Годится, Генк! Вспомним студенческие годы, – согласился я. _

Глава третья

В промозглой ночной тишине слышу наконец знакомый лязг и визг грейферов. Над территорией блещут лучи высоко поднятых прожекторов, и мне впервые кажется, что их слишком уж много.

К проходной приближаться совсем не хочется, поэтому выхожу на набережную и в крошечной тьме, прижимаясь к бетонному забору, начинаю его обходить. Холода не чувствую, но всего трясет – наверное, начинается реакция. Чуть не сваливаюсь на торчащие из воды штыри арматуры и наконец оказываюсь на территории района. Рядом тихо стоит угрюмого вида рейдовый буксировщик с потушенными огнями. Еле слышно шлепают о его днище мелкие волны. Я спрыгиваю на плиты откоса и поднимаюсь на стенку набережной. Теперь можно сесть и немного перевести дух... Чертовски хочется курить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.